

2. Из объяснительной записки к правительственному законопроекту «Об охране древностей» всероссийского съезда художников в декабре 1911 г. // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв. М., 1997.

3. Из замечания комиссии Академии художеств на проект Положения об охране древностей // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв. М., 1997.

4. Из замечаний ИМАО на проект Положения об охране древностей // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв. М., 1997.

5. Мнение председателя Комиссии по описанию синодального архива акад. А.И. Соболевского по поводу законопроекта об охране древностей // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв. М., 1997.

Referenses

1. Karapetyan L.A. Protection of cultural heritage in Russia in the early twentieth century: On the issue of the draft law “On the protection of antiquities” // *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*. 2017. № 1 (64).

2. From an explanatory note to the government bill “On the Protection of Antiquities” of the All-Russian Congress of Artists in December 1911 // *Preservation of monuments of church antiquity in Russia XVIII – early XX centuries*. Moscow, 1997.

3. From the comment of the commission of the Academy of Arts on the draft regulations on the protection of antiquities // *Preservation of monuments of church antiquity in Russia XVIII – early XX centuries*. Moscow, 1997.

4. From the comments of the IMAO on the draft Regulations for the Protection of Antiquities // *Preservation of monuments of church antiquity in Russia XVIII – early XX centuries*. Moscow, 1997.

5. The opinion of the chairman of the Commission on the description of the Synodal Archives of the Acad. A.I. Sobolevsky on the draft law on the protection of antiquities // *Preservation of monuments of church antiquity in Russia XVIII – early XX centuries*. Moscow, 1997.

УДК 708

Е.А. НАЙДЕНКО

СИМУЛЯКРЫ ДЕЛЕЗА

Найденко Елизавета Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (Краснодар, ул. Буденного, 161), naidenko07@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей онтологии Жюль Дедеза – французского философа эпохи постмодерна.

Ключевые слова: симулякры, бытие, мышление, тождество, внутреннее, внешнее, складка, поверхность.

UDC 708

Е.А. NAIDENKO

SIMULACRA OF DELEUZE

Naidenko Elizaveta Anatolevna, PhD (philosophical sciences), associate professor of philosophy, cultural studies and social communications of the Kuban state university of physical culture, sport and tourism (Krasnodar, Budyonnogo str., 161), naidenko07@mail.ru

---

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the ontology of Gilles Deleuze, the French philosopher of the postmodern era.

Keywords: simulacra, being, thinking, identity, internal, external, fold, surface.

Особенности онтологии современной западной философии наиболее ярко отражены в творчестве французского философа Жюль Делеза. Именно он ввел в философию постмодерна понятие «симулякр». Однако, в отличие от Платона, полагавшего симулякр в качестве копии, не соответствующей оригиналу, делезовский означал копию того, чего нет в действительности. Соотечественник Делеза, социолог и философ Ж. Бодрийяр использовал данное понятие для характеристики социальной действительности [2, 5, с. 46].

Основным вопросом философии Делез полагает вопрос бытия как единого. В работе «Логика смысла» автор подчеркивает: «Философия сливается с онтологией, а онтология сливается с единоголосием Бытия...» [3, с. 215]. Последнее вовсе не означает, что существует одно и то же бытие, поскольку Делез обращает внимание на наличие сущностей, которые множатся, делятся, и все они – плод «дизъюнктивного синтеза».

Бытие – это голос, говорящий в одном и том же «смысле» для всего, о чем он говорит; но то, о чем говорится, вовсе не одно и то же. Философ отмечает, что «было бы ошибкой смешивать единоголосие говорящего Бытия с псевдо-единоголосием всего того, о чем оно говорит» [3, с. 215-216]. И далее «...если Бытие не может высказываться, не происходя при этом; если Бытие – это уникальное событие, в котором все события коммуницируют друг с другом, – то единоголосие относится как к тому, что имеет место быть, так и к тому, что высказывается» [3, с. 216]. Выходит, что все, что происходит и проговаривается, одно и то же, «атрибут всех тел, а также выражаемое всех предложений». Поскольку бытие содержится в языке, «но происходит с вещами», оно соизмеряет «внутреннее» отношение языка и «внешнее» отношение бытия, оно – форма «овнешнения», связывающая «вещи и предложения».

С точки зрения Делеза, бытие ни активно, ни пассивно, оно – нейтрально, оно – «минимум бытия, общий для реального, возможного и невозможного» [3, с. 216]. Подводя черту под характеристикой единоголосного бытия, философ выделяет три аспекта: бытие является одним событием для всех событий; одним и тем же для того, что происходит, и для того, что высказывается; общим для невозможного, возможного и реального.

Вернемся к вопросу о статусе сущностей (симулякров) и их взаимоотношении (если таковое имеет место) с Единым Бытием. Делез полагает сущность как «простое поверхностное напряжение некоего симулякра Бытия» [1, с. 61]. При утверждении, что сущность – это копия некоей формы бытия, мысль вынуждена распределять бытие на тождественное основание и на то, что является его копией. Подобное допущение наносит удар по делезовскому Единому.

Для философа сущности представляют собой то, что внутренне присуще Единому, а никак не копию, они являются модальностями однозначного и могут мыслиться в своем сосуществовании только через дизъюнктивный синтез. Симулякр полагается не деградировавшей копией некоего оригинала: в своей активности он отрицает и копию, и оригинал. По мнению Делеза, сущность однозначного бытия соотносится с индивидуирующими различиями, но сущность этих различий неодинакова, они не изменяют сущности бытия, «подобно тому, как белый цвет соотносится с различными интенсивностями, оставаясь сущностно все тем же белым» [4, с. 54].

Таким образом, следует мыслить однозначность бытия и неоднозначность сущностей «вместе» (ибо вторая является лишь имманентным продуктом первой) «без посредничества пород или видов, типов или ярлыков: словом, без категорий, без отвлеченностей» [1, с. 47].

Делез ссылается на два состояния сущности, полагаемых Авиценной (универсальное – по отношению к интеллекту, мыслящему сущность в целом; единичное – по

отношению к отдельным вещам, в которых она воплощается). Однако ни одно из этих двух состояний, по мнению философа, не является сущностью самой по себе: к примеру, животное – это не что иное, как только животное, оно безразлично как к универсальному, так и к единичному. Делез предлагает три состояния сущности: сущность как означаемое предложением в порядке понятия; сущность как то, на что указывает предложение в конкретных вещах; сущность как смысл, который безразличен к универсальному и единичному, как, впрочем, и ко всем существующим оппозициям.

Философ определяет сущность в качестве идеального события как потока сингулярностей, а событие как таковое полагает смыслом. Таким образом, делезовские сущности являются лишь дизъюнктивными, расходящимися симулякрами, не взаимодействующими ни между собой, ни с какой-либо трансценденцией. Онтологический статус множественного – статус бытия.

Ален Бадью, один из первых исследователей творчества Ж. Делеза, достаточно точно определил мир делезовских сущностей как «театр симулякров Бытия».

У Делеза свое видение проблемы соотношения бытия и мышления, которое может быть выражено в уже известном утверждении: «Однозначное Бытие содержится в языке и происходит с вещами». Бытие при этом выступает в качестве меры внутренних и внешних отношений. В философской традиции имеют место по крайней мере два подхода к рассмотрению единства бытия и мышления (Аристотель, Р. Декарт).

Первый полагает возможность мыслить тождественность бытия и мышления в качестве принципа. По мнению Делеза, на этот путь становиться нельзя, ибо мысль, подчиненная принципам бытия бытия и бытия мысли, запрещена состоянием современного общества, утратившего «все свои принципы». То есть запрет налагается самим бытием, исходя из его симулятивного характера.

Второй подход связан с декартовым *Cogito ergo sum*, где бытие мысли отождествляется с бытием субъекта, что актуализирует проблему положения субъекта в Едином. Бытие при этом обретает некую «внутренность», следствием чего является появление таких качеств, как рефлексивность и негативность (бытие наделяется тем, что способно соотноситься с самим собой и со своими объектами). Однако не следует забывать, что делезовские сущности суть модальности Единого и не имеют отношений с чем бы то ни было. Получается, что и второй подход не является приемлемым для Делеза, поскольку «онтологическая изоляция» субъекта разрушает однозначность бытия.

Подход к объяснению единства бытия и мышления французский философ реализует через понятие «складки». Вспомним, что сущности бытия, по мнению философа, равны. Ни одна из них не обладает правом ни внешнего, ни внутреннего положения по отношению к остальным. Иными словами, для мысли не должно быть ни внешнего, ни внутреннего, вследствие чего мысль становится внешним внутреннего, внутренним внешнего, то есть складкой бытия.

Граница внутреннего и внешнего образуется из внешнего, подобно свернутому листу бумаги, в котором перегиб является не границей внешнего, но самим внешним, значит, мысль совпадает с бытием. При складывании образуется не только перегиб, но и внутренний «карман», внутреннее пространство¹. Оно и есть субъект, однако, будучи «внутренним», он неотделим от внешнего, поскольку является его складкой.

Субъект возникает в результате манипуляции с внешним, следствием чего является его несвобода, более того – он существует лишь как мысль, реализующая

¹ Фуко называет его «собой» или субъектом, полагаемым в качестве модуса знания. Отметим, что Фуко можно назвать одним из главных «действующих лиц» во многих работах Делеза. В одной из них («Фуко») автор определяет процесс мышления как перегиб или удвоение внешнего равным ему по объему внутренним.

Понятие «складка» – своеобразная метафора, позволяющая прояснить характер делезовского бытия.

дизъюнкцию и удерживающая «неощутимую нить Единого», что позволяет стать границей как складкой. С учетом сказанного можно сделать вывод: субъект (внутреннее) есть внешнее, что и означает тождественность мышления и бытия. Делез полагает: мыслить – значит способствовать тому, чтобы видение и говорение дошли до своего предела, сформировав при этом общую границу, которая бы соотносила их друг с другом и одновременно отделяла друг от друга.

Делезовское бытие – автономная поверхность, которая не зависит ни от глубины тел, ни от высоты идей, она им противостоит. Поверхность – это обнаружение бестелесных событий, смыслов, эффектов – то, что происходит и высказывается на поверхности. Философ отмечает, что в его бытии, в отличие от позиции досократиков и Платона, граница проходит между «вещью как таковой, обозначенной предложением и выраженным в предложении, не существующим вне последнего», а не в «высоте между универсальным и частным» и не в «глубине между субстанцией и акциденцией», ибо субстанция является не более чем «вторичным определением вещи, а универсальное – не более чем вторичным определением выраженного в предложении» [3, с. 164].

Метод, который использует философ для описания Бытия – метод парадокса, метод, характеризующийся им как «освобождение глубины, выведение события на поверхность и развертывание языка вдоль этого предела» [3, с. 22].

Действительно, бытие в представлении Делеза – некая игра парадоксов: мысль – ни внешнее и ни внутреннее, она есть внешнее внутреннего или внутреннее внешнего; смысл – атрибут вещей и одновременно выражаемое в предложении; симулякр – ни оригинал, ни копия; события – ни активные, ни пассивные, ни внутренние, ни внешние, ни воображаемые, ни реальные.

Знакомство с философским наследием Делеза влечет за собой определенные трудности, обусловленные, во-первых, тем, что не всегда представляется возможным определить, где цитируемый материал заканчивается и начинается текст самого автора, и наоборот. Во-вторых, философ вводит в оборот все новые и новые понятия из различных областей знания (геометрия, психоанализ и др.). Кроме того, работы Делеза изобилуют синонимами, сравнениями, метафорами. Однако, невзирая на все эти «трудности», можно ощутить присутствие системности. Понять философа – значит почувствовать, уловить логику «скольжения по поверхности».

Однако не только метод, но и сама философия Жюль Делеза в своей сути парадоксальна: «скольжение по поверхности» оборачивается на самом деле погружением в бездонную глубину смыслов.

Литература

1. Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.
3. Делез Ж. Логика смысла. М., 1995.
4. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
5. Найдено Е.А., Куракова Т.В. Ценностный дискурс Ж. Бодрийяра // Теория и практика общественного развития. 2005. № 23.

References

1. Badiou A. Deleuze. Shum bytiya [The noise of life]. Moscow, 2004.
2. Baudrillard J. Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Moscow, 2006.
3. Deleuze G. Logika smysla [Logic of meaning]. Moscow, 1995.
4. Deleuze G. Razlichie i povtorenie [Difference and repetition]. Saint Petersburg, 1998.
5. Naidenko E.A., Kurakova T.V. Axiological discourse of Jean Baudrillard // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2005. №. 23.